

штукатурка дома, сверкали на солнцѣ стекла балкона. Раиса прижалась къ мужу. Имъ было хорошо, имъ нечего было говорить другъ другу. Страсть внезапно прилила къ ихъ сердцу. И садъ, собиравшійся дремать, былъ разбуженъ звукомъ молодого поцѣлуя.

— Мери! Смотри, здѣсь написано: „Мери!“ — отстраняясь, вскричала Раиса. — Здѣсь тоже!

Федоръ Игнатьичъ взглянулъ на столъ и на скамейку.

— Это все братъ, — сказалъ онъ. — Нѣтъ дерева, на которомъ бы не было вырѣзано „Мери“.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я побѣгу, посмотрю.

Она вскочила и подбѣжала къ деревьямъ. Вездѣ читала она имя, на которомъ помѣшался покойный. Кора вздулась, и мѣстами надписи были ужъ изуродованы.

— Какъ онъ былъ влюбленъ, бѣдняжка! — произнесла она задумчиво.

— Липовая аллея была его любимымъ мѣстомъ, — пояснилъ Федоръ Игнатьичъ. — Въ ней отличный резонансъ, какъ въ сводчатомъ корридорѣ. Бывало, какъ крикнетъ: „Мери!“ — Вотъ я покажу какъ: Ме-ри!

Эхо повторило: „Мери!“ Потомъ — слабѣе: „Мери!“ Раиса испугалась и, бросившись къ мужу, схватила его за руку.

— Пожалуйста, не кричи такъ! — сказала она съ смущенной улыбкой.

## XXIII.

Вечеромъ домъ былъ ярко освѣщенъ. Были зажжены лампы и свѣчи въ старыхъ люстрахъ.

— Баль! — сказала Раиса.

Она разливала чай. Федоръ Игнатьичъ рассказывалъ ей случаи изъ своей жизни, какъ онъ учился, какіе у него были гувернеры, кто бывалъ въ домѣ, какіе чудаки были сосѣди. Раиса слушала, не спуская съ мужа глазъ.

Послѣ чая онъ подъ-руку прошелся съ нею по комнатамъ.

— Право, у насъ съ тобой на всякій случай недурной уголокъ. Только зимою здѣсь скучно и, должно быть, холодно. Мы будемъ пріѣзжать сюда на лѣтніе мѣсяцы.

Они останавливались передъ старыми гравюрами и литографіями, передъ картинами и портретами.

— Тебѣ любопытно, Раиса? Этихъ евангелистовъ написала моя тетка, Прасковья Павловна. Она была старая дѣва, и въ